

Мифы Ктулху

ХРАМ

(Рукопись, обнаруженная на побережье Юкатана)

Двадцатого августа 1917 года я, Карл Хейнрих, граф фон Альтберг-Эренштайн, капитан-лейтенант Императорских военно-морских сил, командующий подводной лодкой U-29, вверяю эту бутылку с рукописью водам Атлантики в неизвестном мне месте; вероятно, его координаты 20 градусов северной широты и 35 градусов восточной долготы; здесь, на дне океана, покоится мое бездвиженное судно. Я поступаю так потому, что желаю обнародовать некоторые необычайные обстоятельства случившегося — сам я не выживу, и обстановка вокруг настолько же необычная, насколько зловещая, включая не только непоправимую поломку субмарины, но и то, что моя железная германская воля подорвана самым катастрофическим образом.

Днем 18 июня, как было доложено по радиосвязи на субмарину U-61, направлявшуюся в Киль, мы торпедировали британское грузовое судно «Виктори», следовавшее из Нью-Йорка в Ливерпуль, на 45 градусах 16 минутах северной широты и 28 градусах 34 минутах западной долготы, позволив экипажу эвакуироваться на спасательных шлюпках, чтобы снять кинофильм для министерского архива. Корабль тонул чрезвычайно зрелищно: корма погрузилась первой, форштевень высоко вздымался над водой, пока корпус погружался перпендикулярно океанскому дну. Наша кинокамера не упустила ни малейшей детали, и мне очень жаль, что столь прекрасная пленка никогда не попадет в Берлин. Затем мы потопили шлюпки из палубных орудий и совершили погружение.

Поднявшись на поверхность с заходом солнца, мы обнаружили на палубе труп моряка, чьи пальцы невероятно крепко сжимали релинг. Бедняга был молод, черноволос и обладал крайне привлекательной внешностью; вероятно, то был итальянец или грек, несомненно, принадлежавший к экипажу «Виктори». Очевидно, он

искал спасения на нашей лодке, вынужденной потопить его судно — еще одна жертва войны, навязанной фатерлянду английскими свинособаками. Наши люди обыскали его на предмет сувениров и нашли в кармане его бушлата весьма странную статуэтку из слоновой кости в виде головы юноши, увенчанной лавровым венком. Лейтенант Кленце, мой сослуживец, был убежден в том, что она имеет большую историческую и художественную ценность, и оставил ее себе. Ни он, ни я не могли понять, каким образом она оказалась у простого матроса.

Когда тело выбросили за борт, произошло два события, чрезвычайно обеспокоивших членов нашего экипажа. Глаза мертвеца были закрыты, но, когда его тащили к борту, они широко распахнулись, и многих позабавила нелепая иллюзия неотрванного и насмешливого взгляда, смотревшего на склонившихся над телом Шмидта и Циммера. Боцман Мюллер, человек пожилой, мог бы думать своей головой, не будь он суеверным эльзасским боровом, но так впечатлился увиденным, что следил за погружившимся в воду трупом и впоследствии клялся, что видел, как на небольшой глубине мертвец стал совершать плавательные движения и быстро поплыл на юг под волнами. Кленце и я были не в восторге от этих крестьянских бредней, и мы строго отчитали команду, в особенности Мюллера.

На следующий день сложилась непредвиденная ситуация, вызванная недомоганием некоторых подводников. Очевидно, его причиной являлся нервный срыв, вызванный длительным походом, — их мучили кошмары. Кое-кто из них имел оглушенный вид и был безразличен ко всему; убедившись в том, что они не симулянты, я освободил их от служебных обязанностей. Море было беспокойным, и мы опустили на глубину, где не так ощущалось волнение. Здесь было относительно тихо, несмотря на то что нам повстречалось загадочное южное течение, не отмеченное на морских картах. Стоны больных порядком раздражали нас, но мораль остальных членов экипажа не пострадала, и нам не пришлось прибегать к крайним мерам. Мы планировали оставаться на месте для перехвата лайнера «Дакия», маршрут которого нам сообщили агенты нашей разведки в Нью-Йорке.

Когда мы всплыли на поверхность, то обнаружили, что волны были уже не такими большими. На севере над горизонтом дымил линкор, но благодаря значительному расстоянию меж нами и нашей способности погружаться мы были в безопасности. Куда больше нас волновали слова боцмана Мюллера, начавшего буйствовать с наступлением ночи. Его ребячество внушало отвращение — он болтал о том, что видел мертвецов, проплывающих за иллюмина-

торами и пристально смотревших на него, что в раздутых трупах он опознал моряков с победоносно затопленных нами судов, и над всеми предводительствовал найденный нами юноша, которого мы сбросили за борт. Эти слова ввергали всех в трепет и звучали ненормально, так что мы заковали его в кандалы и подвергли порке. Команда не одобрила подобное наказание, но необходимо было поддерживать дисциплину. Также мы отклонили просьбу делегации во главе с матросом Циммером о том, чтобы выбросить странную статуэтку из слоновой кости в океан.

Двадцатого июня матросы Бем и Шмидт, заболевшие накануне, окончательно помешались. Я пожалел о том, что в состав экипажа не включили врача, так как жизни германских граждан бесценны, но их неистовый бред о некоем ужасном проклятии самым пагубным образом нарушал дисциплину, и пришлось прибегнуть к радикальным мерам. Экипаж угрюмо отреагировал на случившееся, но благодаря этому успокоился Мюллер, больше не доставлявший нам хлопот. Вечером мы освободили его, и он молча приступил к своим обязанностям.

Последующую неделю мы провели в беспокойном ожидании «Дакии». Напряжение усилилось после исчезновения Мюллера и Циммера, несомненно, совершивших самоубийство, не в силах справиться с гнетущим страхом, хотя никто не видел, как они покидали лодку. Я был рад избавиться от Мюллера, так как даже его молчание оказывало дурное влияние на команду. С тех пор все члены команды избегали разговоров, словно затаив некий страх. Многим нездоровилось, но буйных не было. Из-за постоянного напряжения терпение лейтенанта Кленце истощилось и каждая мелочь раздражала его, как, например, стая дельфинов, сопровождавшая U-29, и все усиливающееся южное течение, не отмеченное на наших картах.

Спустя некоторое время мы поняли, что упустили «Дакию». Подобное иногда случается, и мы были скорее довольны, нежели разочарованы, так как могли возвращаться в Вильгельмсхафен. Днем двадцать восьмого июня мы взяли курс на северо-восток и следовали ему, невзирая на несколько комичные столкновения с невероятно возросшим количеством дельфинов.

Взрыв в машинном отделении в два часа ночи стал для всех полной неожиданностью. Вся техника работала безотказно, весь экипаж исправно выполнял свои обязанности, но чудовищный удар сотряс судно от носа до кормы. Лейтенант Кленце бросился в машинное отделение, обнаружив, что уничтожен топливный бак и почти весь двигатель; судовые механики Раабе и Шнайдер погибли мгновенно. Положение наше было угрожающим — несмотря на то что система

регенерации воздуха и шлюзовой затвор не пострадали и мы могли всплывать и погружаться, используя сжатый воздух и аккумуляторные батареи, управлять субмариной не было никакой возможности. Использовать спасательные шлюпки значило отдаться в руки врага, беспричинно ожесточившегося против нашей великой германской нации. Радиопередатчик не работал с тех пор, как мы связывались с германской подлодкой, атаковав «Виктори».

С того момента, как случилась авария, и до второго июля мы непрерывно дрейфовали на юг без каких-либо планов и не встретили ни одного судна. С учетом пройденного нами расстояния удивительным было то, что дельфины все еще следовали за подлодкой. Утром второго июля мы заметили линкор под американским флагом, и командой овладело беспокойство; многие желали сдаться. В конце концов лейтенанту Менце пришлось застрелить матроса Траубе, наиболее рьяно выражавшего свои антигерманские настроения. На время волнения прекратились, и мы погрузились незамеченными.

На следующий день с юга плотной стайей налетели птицы, и океан вздыбился. Задрав люки, мы следили за развитием ситуации, пока не стало ясно, что необходимо погружаться, иначе нас опрокинет волнами. Давление воздуха и заряд батарей падали, и мы хотели избежать нерационального расходования наших скромных ресурсов, но выбора не было. Переждав на небольшой глубине несколько часов, мы решили подняться, так как волнение несколько стихло. Здесь нас ждало новое бедствие — мы не могли всплыть наверх, несмотря на все усилия механиков. Команду страшила перспектива подводного заточения, снова слышались разговоры о статуэтке лейтенанта Кленце, но всех успокоил вид пистолета. Мы стремились занять этих бедняг какой угодно работой, хотя возня с машинами и была бессмысленной.

Кленце и я спали посменно, и в пять утра четвертого июля во время моего сна на судне поднялся бунт. Оставшиеся шестеро матросов подозревали, что мы окончательно потерялись; эти свиньи, разозленные позавчерашним отказом сдаться американцам, впали в безумие, круша все вокруг. Они рычали, словно звери, коими и являлись, без разбора ломая инструменты и мебель, неся полный бред о проклятой статуэтке из слоновой кости и темноволосом юноше, что, уплывая, провожал их взглядом. Лейтенанта Кленце будто парализовало, и он не оказывал сопротивления — впрочем, чего еще ждать от изнеженного, женоподобного уроженца Рейнланда? Я застрелил всех шестерых, как того требовали обстоятельства, и лично убедился в том, что никто не выжил.

Мы избавились от тел при помощи парных люков; теперь нас было лишь двое. Кленце заметно нервничал и постоянно пил. Бы-

ло решено, что мы постараемся протянуть как можно дольше, благо наши запасы провианта и кислорода не пострадали от рук этих взбесившихся свинских собак. Наши компасы, эхолоты и остальные чувствительные приборы были выведены из строя, и отныне мы могли лишь догадываться о нашем местонахождении при помощи часов, календаря и того, что могли заметить сквозь иллюминаторы или из рубки, пока дрейфовали. Заряда аккумуляторных батарей, к счастью, должно было хватить надолго как для освещения отсеков, так и для прожектора. Последним мы пользовались часто, но видели лишь дельфинов, плывших параллельно нашему курсу. К этим дельфинам у меня возник научный интерес: обыкновенный *Delphinus delphis*, являясь китообразным млекопитающим, способен обходиться без воздуха, но я наблюдал за одним из них в течение двух часов и не видел, чтобы он поднимался на поверхность.

Шло время, и мы с Кленце решили, что продолжаем дрейфовать на юг, постепенно погружаясь все глубже и глубже. Мы отмечали, что за флора и фауна встречалась нам, и в свободное время читали об увиденном в принадлежавших мне справочниках. Не могу не отметить скудость научных познаний моего товарища. Его склад ума был совершенно не прусским; он был подвержен ничемным фантазиям и выдумкам. На него странно влияла неотвратимость приближавшейся смерти, и он часто молился за упокой мужчин, женщин и детей, отправленных нами на дно, забывая о том, что все, совершенное ради германского государства, есть благо. Вскоре его душевное здоровье заметно пошатнулось — он часами смотрел на статуэтку из слоновой кости и плел небылицы о том, что покоится в морских глубинах, затерянное, забытое. Иногда в качестве психологического эксперимента я задавал ему наводящие вопросы, в ответ выслушивая бесконечные поэтические цитаты и истории о затонувших кораблях. Мне было жаль его, так как мне тяжело видеть страдания германца, но он был не из тех, с кем можно достойно встретить смерть. Касательно себя у меня не было сомнений, так как я знал, что фатерлянд почтит мою память, а мои сыновья, по моему подобию, станут настоящими мужчинами.

Девятого августа мы изучали океанское дно при помощи нашего мощного прожектора. Оно было холмистым, по большей части покрытым водорослями и усеянным моллюсками. Повсюду встречались осклизлые объекты загадочного вида, утопавшие в морской траве и ракушках; Кленце объявил, что это старинные корабли, нашедшие свое последнее пристанище. Его смутила тупоконечная возвышенность из твердого вещества с плоскими гранями и гладкой поверхностью, почти на четыре фута возвышавшаяся над дном. Я сказал, что это обломок скалы, но Кленце казалось, что он по-

крыт резьбой. Затем он задрожал и отвернулся, будто испугавшись чего-то, но не мог объяснить, чего именно, отвечая, что его лишили самообладания бескрайность, темнота, древность и загадочность океанской бездны. Рассудок его ослаб, но я всегда остаюсь германцем, сразу отметив два обстоятельства: корпус U-29 великолепно выдерживал давление водной толщи и дельфины по-прежнему были рядом, несмотря на то что большинство натуралистов признает невозможным существование высших форм жизни на такой глубине. Я был уверен в том, что переоценил ее, но, так или иначе, мы должны были погрузиться достаточно глубоко, чтобы эти явления можно было считать необыкновенными. На юг мы двигались с прежней скоростью, судя по моим наблюдениям за океанским дном и оценке скорости фауны в верхних слоях.

Двенадцатого августа в пятнадцать минут четвертого несчастный Клэнце совершенно обезумел. Он находился в рубке, управляя проектором, пока я сидел в другом отсеке с книгой. Вдруг он появился рядом; лицо его, обычно бесстрастное, исказилось. Я привожу здесь его слова, подчеркивая те, которые он выделял: «*Он зовет! Он зовет! Я слышу! Идем!*» Он взял со стола статуэтку, сунув ее в карман, схватил меня за руку, пытаясь увлечь меня к палубному трапу. Я сразу понял, что он хочет открыть люк и выбраться наружу; подобная непредсказуемая, самоубийственная выходка застала меня врасплох. Я воспротивился, пытаясь успокоить его, но это лишь разозлило его, и он сказал: «Медлить нельзя, *идем*, лучше раскататься и получить прощение, чем отринуть *его* себе на погибель!» Тогда я пошел иным путем, прямо сказав ему, что он сошел с ума и что он жалкий безумец. Бесполезно. Он вскричал: «Если я и безумец, то лишь *его* милостью! Да сжалятся боги над тем, кто в своей черствости способен сохранить рассудок до ужасного конца! Идем, безумствуй, пока зов *его* все еще милостив!»

Эта вспышка ярости, должно быть, охладила его воспаленный мозг — он смягчился и стал просить, чтобы я отпустил его, если не хочу следовать за ним. Все прояснилось — он был германцем, но в то же время рейнландским простолюдином, к тому же опасным сумасшедшим. Выполнив его самоубийственную просьбу, я немедленно избавил бы себя от того, кто больше не был моим товарищем, но представлял угрозу. Я спросил, не отдаст ли он мне статуэтку, но ответом мне был столь жуткий хохот, что я не осмелился повторять свою просьбу. Тогда я спросил, не желает ли он оставить хотя бы прядь волос на память для своей семьи в Германии на тот случай, если меня все же спасут, но он вновь захохотал. Он взобрался по трапу, и, соблюдая необходимые временные интервалы, я открыл шлюз, тем самым обрекая его на верную смерть. Когда я

увидел, что он покинул судно, я включил прожектор, пытаясь разглядеть его тело и понять, расплющило ли его давлением согласно теории или труп остался нетронутым, как те дельфины. Однако я не сумел разглядеть тело покойного товарища, так как вокруг рубки скопилось невероятное количество этих животных.

В тот вечер я пожалел, что тайком не вытащил статуэтку из кармана бедняги Кленце, так как одно лишь воспоминание о ней пленяло меня. Я никак не мог забыть прекрасную голову юноши, увенчанную лавром, хоть по натуре своей я не творческий человек. Также я сожалел о том, что лишился единственного собеседника. Хотя мой ум был куда острее, Кленце был лучше, чем ничего. В ту ночь я плохо спал, гадая, насколько близок мой конец. Без сомнения, шансов на спасение практически не было.

На следующий день я поднялся в рубку и по обыкновению приступил к исследованию при помощи прожектора. На севере картина оставалась неизменной с тех пор, как четыре дня назад мы впервые увидели дно, но я заметил, что U-29 теперь двигалась медленнее. Обратив луч к югу, я увидел, что дно океана стало более пологим, местами встречались каменные блоки удивительно правильной формы, будто расставленные согласно некоему плану. Лодка погружалась медленно, океан становился все глубже, и я был вынужден повернуть прожектор так, чтобы луч смотрел вертикально вниз. Так как я сделал это слишком резко, отсоединился провод, и я потратил не одну минуту на починку, пока долина внизу не осветилась снова.

Я не подвержен эмоциям, но то, что открылось мне в электрическом свете, поразило меня. Воспитанный в лучших традициях прусской Kultur, я не должен был испытать подобное потрясение, так как геология и предания повествуют о том, как менялись океаны и целые континенты. Подо мной раскинулись стройные ряды величественных, в разной степени разрушенных зданий; подобный архитектурный стиль был мне незнаком. Многие из них, вероятно, были построены из мрамора, сверкая белым в свете прожектора; общая картина представляла собой гигантский город на дне узкой долины с многочисленными храмами и виллами, стоявшими отдельно, на склонах холмов. Крыши домов провалились, колонны были разрушены, но ничто не могло затмить духа и великолепия незапамятной древности.

Наконец-то мне повстречалась Атлантида, которую я считал почти что мифом, и я превратился в самого ревностного исследователя. На дне долины когда-то текла река — я более тщательно изучил его и увидел остатки мостов и набережных из камня и мрамора, террасы и валы, некогда цветущие и прекрасные. Энтузиазм

превратил меня в подобие сентиментального идиота, каким являлся злополучный Кленце, и слишком поздно заметил, что южное течение больше не увлекает подлодку и U-29 медленно приближается к затонувшему городу, подобно аэроплану, летящему над земными городами там, наверху. Кроме того, я увидел, что стая необычных дельфинов исчезла.

Примерно через два часа субмарина легла на мощеную площадь неподалеку от скалистого склона долины. С одной стороны я мог видеть весь город, полого спускавшийся к руслу реки, с другой, в манящей близости, — превосходно сохранившийся, богато украшенный фасад величественного здания, очевидно храма, высеченного в скале. Могу лишь строить догадки о том, кто создал столь титаническое сооружение. За невероятных размеров фасадом с великим множеством окон, очевидно, скрывался массив храма в глубине скалы. В его центре разверзлась гигантская дверь в обрамлении вакхических горельефов; к ней вела впечатляющая каменная лестница. Наиболее поразительными были гигантские колонны и фризы, украшенные скульптурами непередаваемой красоты, вероятно, изображавшими идеализированные пасторали и процессии жрецов и жриц со странными церемониальными предметами в руках, поклонявшихся лучезарному богу. Мастерство исполнения было феноменальным, стиль в общих чертах напоминал эллинистический, но обладал удивительной индивидуальностью, оставляя впечатление немислимой древности и, скорее, будучи наиболее далеким предком греческого искусства. Я не сомневался в том, что каждая деталь этого колоссального сооружения была высечена в девственной скале, бывшей частью гряды, обрамлявшей долину, но я не мог вообразить, сколь необъятным было внутреннее пространство. Быть может, сердцем его была пещера или несколько пещер. Ни годы, ни погружение под воду не оставили следа на первозданной величавости этой внушающей благоговение храмины — да, это мог быть только храм, — и сейчас, спустя тысячи лет, он, невредимый и незапятнанный, покоился среди бесконечной ночи в безмолвной бездне океана.

Не помню, сколько часов я провел, изучая затонувший город со всеми его зданиями, аркадами, статуями и мостами и колоссальный храм, прекрасный и загадочный. Хотя я и знал, что смерть близка, меня пожирало любопытство, и я безостановочно светил прожектором. Его луч открыл мне множество деталей, но не мог пробиться за разверстый зев двери вырубленного в скале храма, и спустя некоторое время я выключил ток, понимая, что энергию необходимо экономить. Свет был уже не таким ярким, как в начале дрейфа. В предчувствии скорого погружения во мрак мое желание проник-

нуть в тайны глубин все возрастало. Я, германец, должен первым ступить на эту землю, спавшую целую вечность!

Я достал и тщательно осмотрел металлический водолазный скафандр, поэкспериментировав с настройками портативного регенератора воздуха и электроэнергии. Хотя выход через парный люк в одиночку и будет сопряжен с некоторыми трудностями, полагаю, что моих умений хватит, чтобы преодолеть все препятствия и оказаться в мертвом городе.

Шестнадцатого августа я успешно покинул борт U-29, с трудом прокладывая себе путь к древней реке по разрушенным, утопающим в иле улицам. Ни скелетов, ни иных человеческих останков я не нашел, но значительно обогатил свои знания благодаря обнаруженным скульптурам и монетам. Об этом говорить я не стану, лишь упомяну, что был невероятно восхищен культурой, находившейся в зените славы, когда на просторах Европы бродили пещерные люди и никто не взирал на воды Нила, текущие к морю. Кто-то другой, прочитав эту рукопись, если ее когда-нибудь найдут, должен разгадать тайны, о которых я говорю лишь вскользь. Заряд батареи падал, и я вернулся на субмарину, решив заняться исследованием храма на следующий день.

Семнадцатого числа желание проникнуть в таинственный храм стало еще сильнее, но меня постигло великое разочарование: я обнаружил, что все необходимое для восполнения заряда портативного фонаря было уничтожено свиньями-бунтовщиками. Гневу моему не было предела, но мой германский здравый смысл воспрещал мне отправляться в непроглядную тьму без должной подготовки, так как я мог оказаться в логове какого-нибудь неопишуемого морского чудовища или навсегда затеряться в лабиринте коридоров. Все, что мне оставалось, — включить слабеющий прожектор U-29 и при его помощи взойти по ступеням, чтобы изучить наружное убранство храма. Луч входил в дверной проем под острым углом, и я заглянул внутрь, пытаясь что-либо разглядеть, но усилия мои были тщетны. Не видно было даже потолка, и хотя я шагнул внутрь, ощупывая пол посохом, пройти дальше не решился. Более того, впервые в жизни меня обуял беспросветный страх. Я понял, почему пал духом несчастный Кленце, так как храм притягивал меня все сильнее, но слепой ужас охватывал меня при мысли о том, что лежало в этих затопленных залах. Вернувшись на субмарину, я выключил свет и предавался размышлениям в полной темноте. Отныне энергию стоило расходовать лишь в крайних случаях.

Всю субботу восемнадцатого августа я провел в крошечной тьме, мучимый мыслями и воспоминаниями, грозившими сломить мою германскую волю. Кленце обезумел и погиб прежде, чем до-